

Императорский дворец — Покои наложницы Го

Прошлой ночью Чжао Цзи, закончив гримироваться, перед уходом тщательно прибрал туалетный столик.

Но одного он не учёл: он совершенно не знал женщин.

Когда дело доходит до косметики, женский взгляд уподобляется тончайшему оптическому прибору. Любая женщина способна с точностью до крупы определить, что сдвинулось с места со времени её последнего визита, чего именно не хватает и сколько убавилось. Особенно те, кто томится в глубине императорского дворца, где из развлечений — лишь бесконечные сплетни да интриги. Наложница Го редко пользовалась своими белилами и румянами, но от скуки любила перебирать баночки. К тому же Чжао Цзи накануне нанёс на лицо поистине убойную дозу грима. Если бы она ничего не заметила, это было бы чудом.

Оправившись от первой вспышки гнева, Го Чуньлань тут же вспомнила лицо Его Величества, и её охватило смятение.

До того как войти во дворец ради прислуживания вдовствующей императрице, она, пусть и будучи лишь дочерью из боковой ветви клана Го, всё же успела краем уха прикоснуться к тайнам высшего света Кайфэна. Разумеется, ей были ведомы некоторые пикантные слухи. Поговаривали, будто младший господин из столичного семейства Хуа питал непреодолимую страсть к женским притираниям и тайно воровал у матери пудру и румяна. Когда всё вскрылось, разгневанный отец безжалостно переломал парню ноги, после чего бедолага безвылазно просидел в усадьбе месяца три-четыре.

Наложница Го во многих отношениях была особой без особых моральных устоев. Из-за этого её готовность принимать любые странности граничила с мировоззрением человека будущего. Её прагматизм поражал.

В её глазах никакая чертовщина не могла сравниться по важности с собственным благополучием. А все её нынешние богатства и почёт держались исключительно на милости императора. Если высокий покровитель столь благосклонен к своей подчинённой, сулит ей повышение и щедрые награды, как она может не закрыть глаза на его маленькие невинные причуды?

Вот почему наложница Го заколебалась.

Хороший актёр всегда даёт зрителю именно то представление, которого тот жаждет. В те времена, когда Его Величество ещё носил титул цзюньвана, до того памятного падения в воду, у него частенько менялись вкусы.

Сперва князю нравились хрупкие, нежные девицы, подобные увядающим цветам. Тогда Го Чуньлань целыми днями облачалась в нежно-зелёные шелка, изо всех сил разыгрывая из себя

беззащитную фиалку у дороги.

Затем князь воспылил страстью к гордым и неприступным натурам. Чуньлань тут же вытащила из сундуков белоснежные одеяния, выбросила дорогие шпильки, оставив лишь одну, самую простую, и, высокомерно сощутив глаза, преобразилась в стойкую зимнюю сливу.

Как-то раз, катаясь по озеру, цзюньван поддался поэтическому порыву и пожелал проверить, каково это — предаться ласкам в раскачивающейся лодке под плеск волн. Чуньлань, хоть и пищала от напускного испуга, сбрасывала с себя одежду быстрее ветра, попутно помогая неженке-князю, который сам и с завязками совладать толком не мог.

Пусть в итоге они на собственном опыте доказали, что маленькая лодка — вещь крайне ненадёжная, и подобные игры опасны для жизни, это не мешало Чуньлань оставаться девушкой широких взглядов. Сейчас её минутное замешательство было вызвано исключительно мучительным выбором: какую роль сыграть на этот раз?

Знал ли государь, что у него на лице? Стоит ли ей обернуться и зайти в восторженных похвалах, уверяя, что этот грим прекрасен и затмевает красоту первейших красавиц Поднебесной? Или же лучше поспешить к нему с зеркалом, дабы он воочию узрел этот кошмар?

Пока Чуньлань разрывалась от сомнений, Чжао Цзи сам сделал выбор.

— Что у Нас на лице? — приказал он. — Немедля подай зеркало!

Го Чуньлань послушно склонила голову и со всей возможной поспешностью бросилась за зеркалом.

В этот же миг Чжао Цзи услышал, как за ширмой, отделявшей спальню от внешних покоев, зашевелилась дежурная служанка, которую он накануне оглушил. Судя по учатившемуся дыханию, она вот-вот должна была очнуться.

Встревоженный Чжао Цзи резко выхватил зеркало из рук Чуньлань.

Рассматривать себя в бронзовом зеркале при свете дня — совсем не то же самое, что при тусклом пламени свечи. По крайней мере, при ярком солнце исчез мягкий рассеивающий свет и испарился всякий намёк на сглаживание изъянов.

С бледного, осунувшегося лица Чжао Цзи сошли последние краски. Он оцепенело уставился на отразившегося в зеркале монстра.

«Пресветлые предки... Что за обрзину я на себе намалевал?! И в таком виде я завалился к Банде нищих? Допрашивал Сян Ланчоу? Братался с Четырьмя великими сыщиками?!»

Чжао Цзи отказывался верить собственным глазам. В эту секунду он принял твёрдое решение: если дело обстоит именно так, он больше никогда, ни при каких обстоятельствах не примерит эту личину. Пусть её забирает Уцин и носит сам хоть до скончания веков!

За ширмой раздался тихий стон — служанка окончательно пришла в себя. Позволить кому-то ещё из челяди увидеть этот кошмар император не мог.

— Быстро принеси влажное полотенце! Живо! — шёпотом скомандовал он Чуньлань.

Услышав приказ, Го Чуньлань мгновенно сообразила, что к чему.

«Должно быть, Его Величество тайком красился ночью, а пока любовался собой, нечаянно заснул!»

Несмотря на изрядный срок беременности, женщина проявила поразительную ловкость. Она метнулась к тазу, смочила полотенце и принялась бережно стирать грим с императорского лица. Чуньлань действовала уверенно и быстро.

Уже через пару минут Чжао Цзи вновь превратился в прежнего юношу — пусть немного бледного и худощавого, но по-прежнему благородного, миловидного и статного.

Едва избавившись от боевого раскраса, Чжао Цзи мгновенно переменялся. Он яростно ударил ладонью по ложу и взревел:

— Немедля вызвать сюда командира Императорской гвардии Юйлинь, отвечавшего за вчерашний караул!

Уцин и Лэнсюэ, которые только что сдали смену и собирались отправиться домой на заслуженный отдых, вновь предстали перед государем.

Облачённый в парадный халат с вышитыми золотыми драконами, император метал громы и молнии:

— Прошлой ночью в Наши покои проник лазутчик! Как вы, посланники Императорской гвардии Юйлинь, смели допустить подобное?!

Оба гвардейца похолодели от неожиданности. Решив, что ночные происшествия первой половины ночи повлекли за собой брешь в охране под утро, они поспешно преклонили колени:

— Просим прощенья, Ваше Величество!

— Пострадал ли Ваше Величество? — с тревогой спросил Лэнсюэ.

Император с глубочайшим возмущением и достоинством в голосе ответил:

— Обошлось без жертв! Однако этот дерзкий мерзавец проник в Нашу спальню и, похитив румяна наложницы Го, измазал ими Наше лицо!

Наложница Го, которая до этого момента тихо сидела в углу, сжавшись в комок и боясь попасть под горячую руку разгневанного владыки, услышав такое оправдание, ошалело хлопала глазами.

Уцин безмолвствовал.

Лэнсюэ не находил слов.

Стражники украдкой переглянулись.

«Неужели государь вчера так и забыл умыться?» — читал во взгляде соратника Уцин.

«Похоже на то», — отозвался глазами Лэнсюэ.

— Помыслить только! — с притворной горечью сокрушался Чжао Цзи. — Мы и представить не могли, что эти цзянхуские разбойники окончательно потеряют страх перед законом! Сперва они пробираются в управу Кайфэна, чтобы переписать судебные свитки, а теперь крадутся в императорские чертоги, дабы вымазать Нас женскими белилами! Неслыханная дерзость! Мы более не станем терпеть бесчинства этих бродяг! Но и на вас лежит вина за скверную охрану, и кара неизбежна. Тот, что в кресле-каталке! С этого дня ты отстранён от службы. Ступай домой и четыре месяца не смей носа выказывать за ворота, размышляя над своим упущением! А ты, стоящий! В трёхдневный срок созвать всех столичных военных чинов на великое состязание. Ты будешь держать оборону на помосте. За каждое поражение лишишься месячного жалованья!

Уцин, поразмыслив над приказом, заподозрил неладное.

«Неужели государь нарочно оставил краску на лице?»

Ему ведь требовался весомый, но благовидный предлог, чтобы спровадить Уцина со службы домой, дав тому возможность сменить обличье и проникнуть во дворец под видом принцессы. А заодно провести смотр среди столичных офицеров, дабы выявить сильнейших и наиболее преданных престолу воинов для последующего продвижения по службе.

Лэнсюэ тоже пребывал в замешательстве.

«Возможно ли это?» — безмолвно вопрошал он.

Единственной, кто до конца понимал суть происходящего, оставалась Го Чуньлань. Она украдкой посматривала на императора с нежностью, какая бывает лишь у заботливой матери. Женское чутьё подсказывало ей: за этой яростью скрывается обыкновенная досада уязвлённого самолюбия. И пускай в бытность свою цзюньваном он относился к ней неплохо, нынешний император казался ей куда милее. Сама того не замечая, Чуньлань преисполнилась к Чжао Цзи почти материнских чувств. Бывает же: шли рука об руку как супруги, а со временем она превратилась в его преданную покровительницу.

Зал Мирного Правления — Малый совет

На последующем малом совете Чжао Цзи зачитал указ без обиняков.

«Мы радеем о справедливости. И гражданские, и военные чины — Наша опора, разве гоже разделять их? Коль скоро гражданские мужи держат экзамен каждый месяц, а промежуточный — каждые полмесяца, то и военным мужам не пристало оставаться в стороне. Мы обязаны держать чашу весов в равновесии. Гражданские сдают экзамены уже полгода, пришла пора и военачальникам показать себя».

Коль скоро гражданские держали экзамен по своим прямым обязанностям, военным предписывалось сдавать зачёты по тактике и стратегии, владению оружием, разработке новых военных технологий, планированию кампаний, ведению ближнего боя и, разумеется, личному ратному мастерству.

Седовласые гражданские сановники на совете согласно закивали. Речи государя казались им на редкость разумными. Военных давно следовало приструнить экзаменами. В глазах книжников эти неотёсанные служаки двух слов связать не могли, куда уж им писать государственные трактаты! Однако проверка их познаний в ратном деле виделась делом полезным.

Чжао Цзи, преследуя собственные скрытые цели, умышленно внёс в экзаменационную программу пункт о личном боевом мастерстве. Он надеялся раскинуть пошире сети и, быть может, выудить среди безвестных солдат ещё одного самородка уровня Чжугэ Чжэнво.

В то же время военные чины, оттеснённые гражданскими к самым краям зала, мысленно исходили отборной бранью.

Каково положение гражданских в государстве Сун и каково — военных? О каком равенстве толкует император? Прежде, когда доходило до наград и привилегий, гражданские черпали блага огромными чашами, тогда как военным доставались лишь жалкие крохи. Почему тогда никто не заикался о справедливости?! А как дошло до экзаменов, так все разом запели о

равенстве! Сроду никакого равенства не было! Бесстыжие твари!

Несколько наиболее вспыльчивых военачальников не выдержали. Один из них, багровея от ярости, ткнул пальцем прямо в нос чиновнику, который кивал усерднее прочих, и зычно проорал:

— Да пошёл ты к чёрту! Мать твою, совесть у тебя осталась?! Какая, к хренам, справедливость?! На восточных рубежах земля горит, каждый год мы просим казну на содержание войска, а вы, штабные крысы, каждый год режете расходы! Ладно, хрен с ним, на границах с Западным Ся и Государством Ляо сейчас поутихло, сокращайте расходы, если жить надоело! Но какого дьявола ты мне тут заливаешь про честность?!

Стоит отметить, что на малый совет допускались лишь мужи не ниже третьего ранга. Какому бы давлению ни подвергалось военное сословие, столь высокопоставленные генералы не собирались пресмыкаться перед гражданскими писарчуками. К тому же за их спинами стоял грозный покровитель — князь Тайпин. Военные могли уступать в спорах, но страха точно не знали.

Помощник министра доходов, чьих родственников по материнской линии только что громогласно помянули, тоже вспыхнул от гнева:

— А что не так?! Государственная казна пуста, всем приходится затягивать пояса! Думаешь, один ты бедствуешь?! На юге и севере голод, устройство беженцев требует колоссальных средств! Или ты полагаешь, что только твои солдаты сделаны из золота?!

Чжао Цзи ошеломлённо наблюдал за тем, как благообразное собрание старцев превращается в балаган. Прежде все государственные споры велись исключительно между гражданскими — те спорили до хрипоты, брызгая слюной и переходя на личности, в то время как военные безучастно стояли в стороне, скрестив руки на груди.

Но стоило сегодня генералам ввязаться в перепалку, как Чжао Цзи в полной мере осознал всю сокрушительную мощь их красноречия. Мало того что в ход пошли самые грязные ругательства и казарменная брань, от которой у чиновников перехватило дыхание, так один из военачальников, распаляясь всё сильнее, исподтишка пнул по голени стоявшего рядом каллиграфа.

Несчастный чиновник с глухим стуком повалился на колени. Кое-как поднявшись и отряхивая полы парадного платья, он уставился на обидчика полными слез и ярости глазами:

— Ты... Ты меня ударил!

Виновник и не думал каяться:

— Да ты никак бредишь, старый хрыч! Сам на ногах стоять не умеешь, а на честных людей валишь! Раскорячился тут посреди зала, словно кобыла на льду, а я виноват?!

Чжао Цзи лишь безмолвно прикрыл лицо ладонью.

<http://bllate.org/book/18987/1961015>